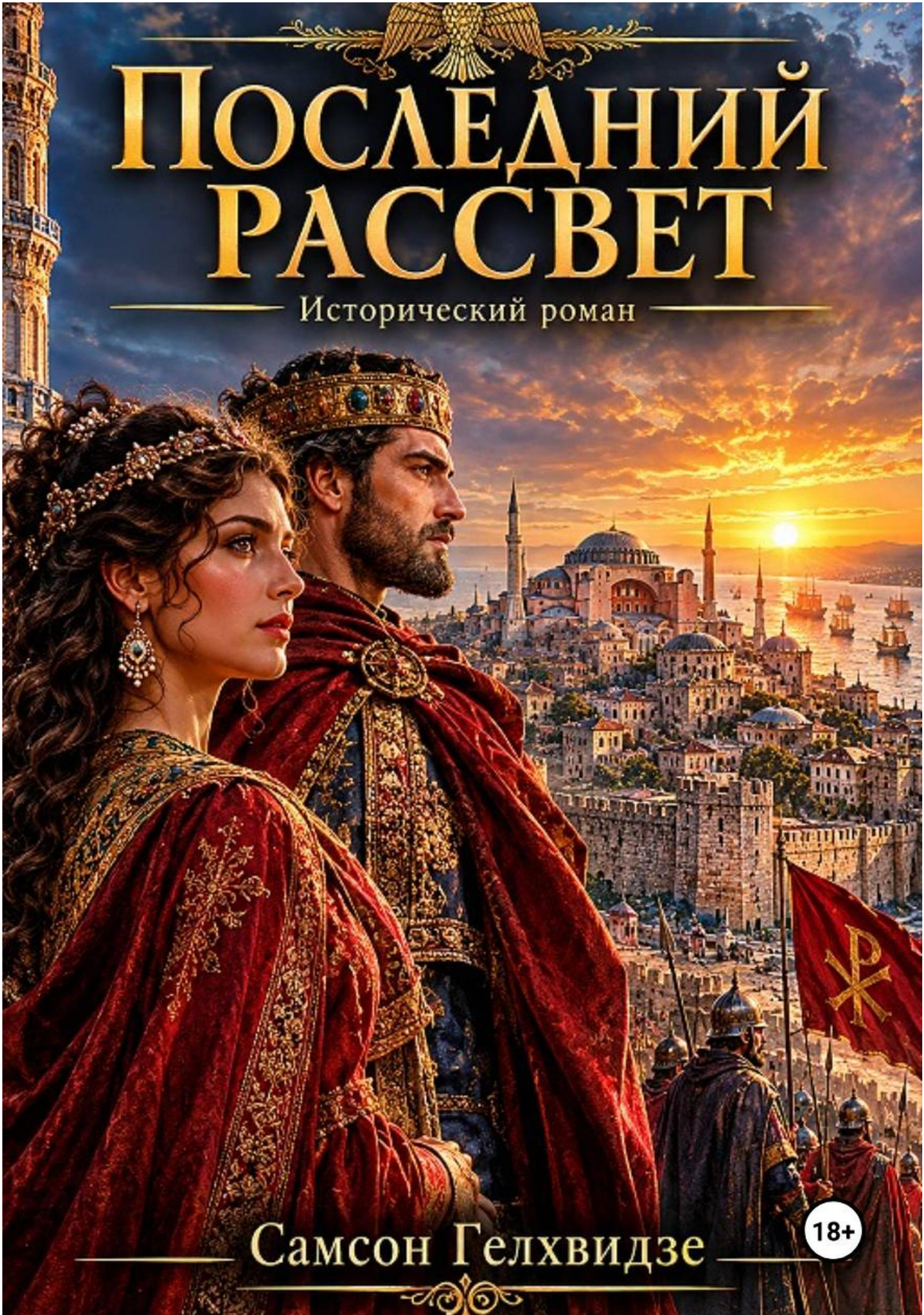

Последний рассвет
Исторический роман
Самсон Гелхвидзе
18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Последний рассвет» — исторический роман о трагедии Константинополя в 1453 году, о последних днях Византийской империи и людях, оказавшихся перед лицом гибели привычного им мира.Однако центральная тема произведения значительно шире исторического события. Автор стремится показать не только падение великой столицы, но и судьбы людей, которые любили её, жили в ней, строили планы, надеялись на будущее и до последнего не хотели верить в неизбежность катастрофы.Это принципиально важное решение. Константинополь в романе становится не просто местом действия, а самостоятельным художественным образом — городом с собственной памятью, характером и судьбой.Особенно важно, что роман не ограничивается военными событиями. Параллельно развивается человеческая история, благодаря которой историческая катастрофа приобретает личное измерение.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ – (роман)

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ – (роман)

Исторический роман

ПРОЛОГ

Последний скрип

Страшный скрип разорвал предрассветную тишину.

Старый железный затвор, словно не желая повиноваться чужой руке, медленно сдвинулся с места. Где-то за тяжёлыми створками ворот глухо ударило дерево о камень. Железо застонало, и этот звук, казалось, прокатился по всему городу.

В тот миг ещё никто не мог знать, что вместе с этими воротами начинала закрываться одна из величайших глав человеческой истории.

Пал Константинополь.

Пала империя, называвшая себя наследницей Рима. Мир, существовавший столетиями, переступал порог своего последнего дня.

Но чтобы понять, почему это произошло, нам придётся вернуться назад — туда, где ещё никто не слышал этого скрипа, где люди любили, торговали, спорили, строили планы и верили, что завтра будет похоже на сегодня.

Итак, вернёмся к истокам…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД, КОТОРЫЙ ВЕРИЛ В ВЕЧНОСТЬ

Глава первая. Город двух морей

За несколько лет до того утра, когда железо заскрипело у городских ворот, Константинополь ещё жил своей привычной жизнью.

Он просыпался медленно, словно огромный старец, которому некуда было спешить. Сначала над Босфором светлело небо, потом солнечные лучи касались куполов церквей, золотили кресты и колонны, скользили по крышам домов и наконец добирались до узких улиц, где торговцы уже поднимали ставни своих лавок. Из гавани доносились крики матросов, плеск воды о борта судов, скрип канатов и глухие удары деревянных трапов.

Город просыпался.

С моря он казался почти таким же величественным, каким его помнили старинные предания. Высокие стены, башни, купола и дворцы поднимались над водой, отражаясь в спокойных утренних волнах. Над Золотым Рогом покачивались корабли с разноцветными парусами. Вдалеке виднелись мачты генуэзских и венецианских судов, прибывавших с товарами из далёких стран. На пристанях разгружали амфоры с вином, тюки тканей, мешки с зерном, ящики с пряностями и металлическими изделиями.

Но за этой красотой скрывалась другая реальность.

Империя, некогда простиравшаяся от берегов Италии до далёких восточных земель, давно утратила большую часть своих владений. Её казна была небогата, армия малочисленна, а прежнее политическое могущество осталось в летописях и воспоминаниях стариков. Даже сам Константинополь уже не был тем необъятным городом, каким его представляли путешественники прошлых столетий. Между величественными зданиями встречались пустыри, заброшенные сады и полуразрушенные дома.

И всё же город продолжал жить.

Его жители привыкли к мысли, что стены, возведённые много веков назад, способны защитить их от любой опасности. Они помнили, сколько раз враги подходили к Константино-

полю и сколько раз уходили, не сумев овладеть им. Казалось, сама история оберегала эту столицу, а её древние камни хранили какую-то особую силу.

Впрочем, далеко не каждый житель города был склонен рассуждать о судьбе империи. Большинство людей заботились о куда более простых вещах: о хлебе на завтрашний день, о цене на рыбу, о здоровье детей, о приданом дочерей и о том, вернётся ли муж из очередного плавания.

В одном из кварталов неподалёку от Золотого Рога находился небольшой дом, принадлежавший торговцу тканями Николаю Вардасу.

Дом был старым, но крепким. Его нижний этаж занимала лавка, где продавались шерстяные и шёлковые ткани, привезённые из разных уголков империи и соседних стран. На втором этаже располагались жилые комнаты, а за домом находился небольшой двор с виноградной лозой, старой смоковницей и каменным колодцем.

Николай Вардас не принадлежал к числу самых богатых купцов Константинополя. Однако его знали многие торговцы, а некоторые из них предпочитали вести дела именно с ним. Он не обещал невозможного, не любил пустых разговоров и никогда не забывал о долгах. Его слово ценилось, пожалуй, не меньше, чем подпись на торговом договоре.

В то утро он стоял у входа в лавку и внимательно рассматривал привезённый накануне товар.

— Опять прислали не то, что я заказывал, — недовольно произнёс он, перебирая край синей ткани. — Посмотри, Леон, здесь обещали плотное переплетение, а оно почти просвечивает.

Молодой человек, стоявший рядом, взял ткань и поднёс её к свету.

— Может быть, освещение виновато, господин Николай?

— Освещение? — торговец поднял брови. — Ты думаешь, покупатель будет смотреть на ткань только при солнечном свете? Он заплатит за неё деньги, а потом обнаружит, что она хуже обещанного. Нет, мой мальчик, в торговле нельзя надеяться на освещение. Надо смотреть на сам товар.

Леон улыбнулся.

Он уже третий год работал в лавке Вардаса и успел привыкнуть к его наставлениям. Иногда ему казалось, что хозяин способен найти недостаток даже в самой прекрасной вещи, но он уважал Николая за честность и справедливость.

— Хорошо, — сказал Леон. — Я поговорю с поставщиком.

— Поговоришь. Только сначала выясни, кто именно принимал этот товар. И не позволяй ему рассказывать, что виноваты корабельщики, море или ветер. У каждого человека должна быть своя ответственность.

Из глубины дома послышался женский голос:

— Николай! Ты опять разговариваешь с тканями вместо того, чтобы позавтракать?

Торговец обернулся.

В дверях стояла его дочь Анна. Ей было около двадцати лет. У неё были тёмные волосы, собранные на затылке, внимательные карие глаза и та спокойная манера держаться, которая нередко заставляла людей принимать её за человека гораздо старше. Она не любила громких разговоров и редко вмешивалась в споры отца, но умела замечать то, что ускользало от внимания других.

— Я разговариваю не с тканями, а с людьми, которые их испортили, — ответил Николай.

— Тогда тем более тебе следует позавтракать. Возможно, после еды они покажутся тебе не такими виноватыми.

Леон рассмеялся, но тут же сделал вид, что внимательно изучает товар.

Николай посмотрел на дочь с притворным негодованием.

— Вот видишь, Леон? В этом доме даже ткани не могут рассчитывать на мою защиту.

— Зато завтрак уже ждёт тебя, отец.

— Иду, иду.

Он отложил ткань и направился к двери, однако остановился, заметив, что дочь смотрит куда-то поверх его плеча.

— Что случилось?

Анна не сразу ответила.

На улице, возле соседней лавки, остановились двое незнакомцев. Один был одет в длинный тёмный плащ, другой носил короткую дорожную куртку. Они не походили на обычных покупателей. Их взгляды задерживались на окнах домов, на перекрёстках и на проходивших мимо людях. Один из них что-то сказал другому, после чего оба направились к гавани.

— Ты их знаешь? — спросил Николай.

— Нет. Но я видела их вчера возле церкви.

— В городе каждый день появляются чужеземцы. В этом нет ничего необычного.

— Конечно, отец.

Однако Анна продолжала смотреть им вслед.

Николай заметил её беспокойство, но не стал расспрашивать. Он давно понял, что дочь обладает особым чутьём к людям, хотя сам не всегда доверял подобным наблюдениям.

Они вошли в дом.

За завтраком разговор снова вернулся к обычным делам. Николай обсуждал с Леоном предстоящую поставку, Анна рассказывала о соседке, которая собиралась выдать замуж старшую дочь, а затем заговорила о предстоящем празднике в монастыре.

— Говорят, прибудет новый священник из одного из восточных монастырей, — заметила она. — Он долго жил за пределами города и знает много старинных преданий.

— Преданий у нас хватает, — отозвался Николай. — Лучше бы кто-нибудь привёз немного зерна по разумной цене.

— Ты всегда думаешь о торговле.

— А кто, по-твоему, должен думать о торговле? Император?

Анна улыбнулась.

— Возможно, императору тоже следовало бы иногда думать о торговле.

— Не сомневаюсь. Но у него, вероятно, найдётся немало других забот.

Николай произнёс это без насмешки. Императорская власть в последние годы казалась жителям города чем-то далёким и почти недосягаемым. Люди знали, что государь живёт во дворце, принимает послов, обсуждает дела с советниками, ведёт переговоры с иностранными правителями. Но в повседневной жизни император присутствовал скорее как символ государства, чем как человек, способный изменить судьбу каждой семьи.

А между тем за пределами Константинополя происходили события, которым вскоре предстояло изменить судьбу всего города.

На востоке усиливалась Османская держава. Её владения охватывали всё новые земли, а её правители уже не скрывали стремления установить господство над проливами. Европейские государства, занятые собственными распрями и соперничеством, не спешили приходить на помощь ослабевавшей Византии. Даже христианский мир, который так часто называл Константинополь своей духовной опорой, оставался разделённым.

Но в тот день, сидя за столом, Николай Вардас не думал о войне.

Он смотрел на дочь, слушал её голос и был уверен, что впереди у них ещё много спокойных лет.

После завтрака Анна вышла во двор. Солнце уже поднялось над крышами, и на листьях виноградной лозы блестели капли утренней росы. Она подошла к колодцу, подняла небольшой кувшин и услышала за стеной знакомый голос.

— Доброе утро, госпожа Анна!

Это был соседский мальчик, сын ремесленника, который часто помогал в лавках и мастерских.

— Доброе утро, Михаил. Ты опять куда-то спешишь?

— Меня послали на пристань. Говорят, сегодня пришёл корабль из Трапезунда.

— И что же он привёз?

— Не знаю. Но отец сказал, что если там хорошее железо, то он купит несколько слитков.

— Тогда передай ему, чтобы не торопился. Пусть сначала проверит качество.

Мальчик засмеялся.

— Вы все здесь только о качестве и думаете!

— А разве это плохо?

— Нет. Просто я хотел бы однажды увидеть другие страны. Не только товары, которые оттуда привозят.

Анна посмотрела на него с интересом.

— И куда бы ты отправился?

Михаил задумался.

— В Италию. Или ещё дальше. Туда, где море никогда не заканчивается.

— Море не заканчивается нигде, Михаил. Но человеку всегда приходится возвращаться на берег.

Мальчик пожал плечами.

— Может быть, я когда-нибудь вернусь.

Он убежал, а Анна ещё некоторое время стояла возле колодца.

Она любила этот город. Любила его улицы, запах свежего хлеба, шум гавани, голоса торговцев и звон колоколов, который по утрам разносился над крышами. Ей казалось, что Константинополь существует вне времени. Здесь менялись поколения, умирали императоры, приходили новые правители, но город оставался на своём месте, словно огромный корабль, навсегда вставший на якорь между двумя морями.

Она не знала, что совсем скоро привычная жизнь начнёт меняться.

Не знала, что молодые люди, мечтающие о далёких странах, будут вынуждены выбирать между бегством и защитой родного дома. Что торговцы станут считать не только прибыль, но и дни, оставшиеся до возможного голода. Что старые друзья окажутся по разные стороны надвигающегося конфликта, а слова, произнесённые в минуты доверия, однажды могут стать причиной предательства.

Пока же город жил и над его куполами поднималось солнце. Обыкновенное солнце обыкновенного дня. Никто ещё не называл его последним рассветом.

Глава вторая. Наследники великого Рима

Константинополь любил рассказывать о своём величии. Оно присутствовало повсюду: в названиях улиц, в именах императоров, высеченных на мраморных плитах, в торжественных церемониях дворца, в древних колоннах, которые пережили десятки поколений, и даже в привычках простых горожан, порой с некоторым превосходством смотревших на приезжих купцов.

Здесь верили, что живут не просто в столице государства, а в самом сердце христианской цивилизации. Рим давно остался на западе, но империя продолжала считать себя Римской. Её подданные называли себя ромеями, а её государя — василевсом, наследником власти, которая, как им казалось, не могла исчезнуть окончательно.

Однако между памятью о былом могуществе и сегодняшней действительностью пролегала огромная пропасть.

Однажды утром в одном из залов Большого императорского дворца состоялось небольшое совещание. Оно не было торжественным, и на нём не присутствовали многочисленные

придворные. Император Константин XI Палеолог предпочитал в последнее время обсуждать важные вопросы в узком кругу доверенных людей.

Перед ним лежали донесения из различных областей Балкан, сообщения о движении османских отрядов и письма, полученные от западных правителей.

Император внимательно прочитал последнее послание, затем положил его на стол.

— Они снова обещают помощь, — произнёс он.

Стоявший напротив него советник слегка склонил голову.

— Ваше величество, обещание помощи ещё не означает, что она не будет оказана.

— Разумеется. Но между обещанием и прибытием кораблей иногда проходит слишком много времени.

Советник промолчал.

Константин XI был человеком сдержанным. Он не любил демонстрировать раздражение и редко повышал голос. Но за внешним спокойствием скрывалось постоянное напряжение человека, который прекрасно понимал истинное положение государства.

Он унаследовал не могущественную империю, а её остатки. Земли вокруг столицы постепенно переходили под власть османов, прежние союзники преследовали собственные интересы, а город, некогда способный выставить огромную армию, теперь зависел от небольшого числа защитников и надежды на внешнюю поддержку.

— Что известно о султане? — спросил император.

— Мехмед продолжает укреплять свою власть. Его люди ведут переговоры с различными правителями, собирают сведения о наших укреплениях и изучают состояние проливов.

— Он молод, но не следует считать его неопытным.

— Никто не считает его неопытным, ваше величество.

Император поднялся и подошёл к высокому окну.

Отсюда открывался вид на часть города. Над крышами возвышались купола храмов, дальше виднелась гавань, а за ней — синяя полоса Босфора.

— Иногда мне кажется, — тихо произнёс Константин, — что мы слишком долго жили воспоминаниями. Мы привыкли говорить о величии предков, но почти перестали замечать, что происходит вокруг нас.

— Ваше величество, город всё ещё силён.

— Его стены сильны. Это не одно и то же.

Советник осторожно посмотрел на императора.

— Вы полагаете, султан решится на нападение?

Константин не ответил сразу.

— Я полагаю, что он будет действовать тогда, когда сочтёт это выгодным. А наша задача — сделать так, чтобы цена его решения оказалась слишком высокой.

Он вернулся к столу и взял другое письмо.

В нём говорилось о возможных переговорах с западными государствами. Речь шла о военной помощи, кораблях, продовольствии и деньгах. Но за каждым предложением скрывались условия, которые могли вызвать недовольство части духовенства и населения.

Император знал, насколько болезненным оставался вопрос церковного единства с Римом. Многие жители Константинополя считали любые уступки западной церкви опасным отступлением от традиции. Другие, напротив, полагали, что без помощи католических государей империя не сможет выжить.

Между этими позициями находился сам Константин.

Он понимал, что государственная необходимость иногда заставляет человека принимать решения, которые не принесут ему ни любви, ни благодарности.

— Подготовьте ответ, — сказал он наконец. — Мы продолжим переговоры. И одновременно усилим работы на стенах.

— Будет исполнено, ваше величество.

Когда советник покинул зал, император остался один.

Он подошёл к окну ещё раз.

Солнечный свет ложился на крыши города, и издалека доносился колокольный звон. На мгновение Константину показалось, что всё ещё можно исправить. Что достаточно найти верное решение, убедить западных правителей, укрепить оборону и сохранить единство среди жителей.

Он не был склонен к отчаянию.

Но иногда даже самый мужественный человек испытывает страх перед будущим, особенно когда понимает, что от его решений зависит не только его собственная жизнь.

Внизу, на улицах, продолжался обычный день.

Никто из прохожих не видел императора у окна. Никто не знал, о чём он думал. А если бы кто-нибудь спросил жителей, что они знают о своём государе, многие ответили бы примерно одинаково: он честный человек, он старается сохранить город, но времена нынче трудные.

Такова была правда.

И всё же в Константинополе ещё оставалось немало людей, уверенных, что древняя столица не может погибнуть.

Среди них были и те, кто вскоре станет её защитниками, и те, кто попытается спастись бегством, и те, кто будет искать выгоду в чужом несчастье.

История ещё не открыла перед ними своих последних страниц. Но первые строки уже были написаны.

Глава третья. Дом у Золотого Рога

Дом Николая Вардаса стоял неподалёку от берега Золотого Рога, на узкой улице, которая начиналась у торговых рядов и постепенно спускалась к воде. Он не отличался ни величиной, ни богатством. Два этажа, каменный фундамент, деревянные стены, небольшой внутренний двор и виноградная лоза, оплетавшая одну из стен, — таким был дом, в котором уже несколько поколений жила семья Вардасов.

Но для Николая он был дороже многих дворцов.

Здесь родились его дети, здесь умерла жена, здесь он впервые принял в руки новорождённую Анну, здесь провёл долгие вечера с сыном, когда тот ещё был жив, и здесь же, спустя годы, научился разговаривать с тишиной.

По утрам дом наполнялся голосами. Слуги приносили воду, на кухне хлопотала старая Мария, соседские дети заглядывали во двор, а сам Николай, ещё не успев позавтракать, уже начинал расспрашивать о делах лавки.

Анна считала, что отец никогда по-настоящему не отдыхает.

— Однажды ты проснёшься и первым делом спросишь, сколько стоит вчерашний ветер, — сказала она как-то утром, когда Николай, сидя за столом, изучал записи своего приказчика.

Старик поднял глаза.

— Если ветер будет попутным для кораблей, я непременно поинтересуюсь его ценой.

Анна рассмеялась.

— Вот видишь! Даже ветер не может пройти мимо твоей торговли.

— А ты думаешь, что торговля — это только деньги? — спросил он, откладывая записи. — Нет, дочь моя. Торговля — это прежде всего доверие. Человек может однажды потерять всё своё состояние, но если он сохранил доброе имя, у него ещё остаётся возможность начать сначала.

— А если он потеряет и доброе имя?

Николай посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда ему придётся очень долго искать дорогу обратно.

Анна ничего не ответила. Она подошла к окну и посмотрела на улицу. Внизу проходил старик с корзиной свежей рыбы, за ним торопливо шагал мальчик, пытавшийся удержать на плече слишком большой для него свёрток. Из соседнего дома доносились звуки флейты.

Обыкновенное утро. Обыкновенная жизнь.

И всё же Анна с недавних пор замечала, что отец стал чаще задумываться. Иногда он подолгу смотрел на гавань, словно пытался разглядеть за линией кораблей нечто такое, чего не замечали остальные.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О времени.

— Это очень неопределённый ответ.

— Потому что время редко объясняет человеку, куда оно его ведёт.

Он произнёс это спокойно, почти без печали. Но Анна вдруг почувствовала, что за этими словами скрывается что-то большее.

В тот день к ним должен был прийти давний знакомый Николая — Леонтий, торговец зерном, с которым они вместе начинали своё дело много лет назад. Он жил в другом конце города и появлялся у Вардасов нечасто, однако Николай всегда принимал его с особым уважением.

Леонтий был человеком шумным, широкоплечим и удивительно жизнерадостным. Даже в самые трудные времена он умел найти повод для смеха. Когда-то, ещё молодыми людьми, они с Николаем вместе отправлялись в морские путешествия, терпели убытки, попадали в штормы и однажды едва не погибли у берегов Малой Азии.

С тех пор прошло почти сорок лет.

— Если Леонтий сегодня опять начнёт рассказывать, как он спас тебя от морских разбойников, я уйду, — предупредила Анна.

— А ты не уйдёшь, — улыбнулся отец.

— Почему это?

— Потому что он обязательно расскажет, как ты в детстве украла у него три засахаренных ореха и обвинила в этом соседского мальчишку.

Анна обернулась.

— Мне было семь лет!

— А Леонтию тогда было уже сорок. Но он до сих пор помнит.

Они засмеялись. И на несколько мгновений дом наполнился тем простым счастьем, которое люди редко замечают, пока оно находится рядом.

Леонтий появился ближе к полудню. Войдя во двор, он громко поздоровался, обнял Николая и сразу потребовал вина.

— Если ты и дальше будешь так встречать гостей, — заметил Николай, — скоро у тебя не останется ни одного трезвого знакомого.

— Зато останутся весёлые, — ответил Леонтий. — А это, согласись, гораздо важнее.

Анна принесла чашу и поставила её перед гостем.

— Ты всё ещё торгуешь зерном? — спросила она.

— Пока зерно не научилось торговать собой, мне приходится заниматься этим самому.

— А если однажды научится?

— Тогда, девочка моя, я первым попрошу его взять меня в приказчики.

Леонтий рассмеялся и сделал большой глоток.

Однако, когда Анна вышла из комнаты, его лицо изменилось.

— Николай, нам нужно поговорить.

Старый торговец сразу понял, что шутки закончились.

— Что случилось?

Леонтий поставил чашу на стол.

— Вчера я встретил человека, который недавно прибыл из Адрианополя. Он торговал лошадьми, но, судя по всему, знает гораздо больше о военных делах, чем о своём товаре.

— И что же он рассказал?

— Говорил о султане. О новой крепости у Босфора. О том, что через пролив теперь стало опаснее проходить, чем прежде.

Николай медленно кивнул.

— Об этом говорят уже не первый месяц.

— Теперь говорят иначе.

— Чем же?

Леонтий наклонился вперёд.

— Он утверждает, что Мехмед собирает мастеров, каменщиков, литейщиков и людей, способных строить большие осадные машины. Говорит, что султан намерен сделать то, на что не решился его отец.

Николай некоторое время молчал.

— Взять Константинополь?

— Именно.

За окном послышался смех детей. Кто-то пробежал по улице, громко хлопнув дверью соседнего дома. Из гавани донёсся протяжный гудок корабельного рога.

Николай посмотрел в сторону окна.

— Этот город пережил столько осад, что его жители научились не бояться подобных разговоров.

— А ты? — спросил Леонтий.

— Я слишком долго здесь живу, чтобы верить в бессмертие стен.

Леонтий ничего не ответил.

Они сидели друг напротив друга, два пожилых человека, за плечами которых осталась целая жизнь. Они помнили другие времена, других правителей, другие войны. И всё же происходящее теперь казалось им чем-то иным.

Не потому, что угроза была совершенно новой. Константинополь не раз оказывался перед лицом опасности. Но на этот раз за пределами его стен поднималась сила, которая, казалось, уже не собиралась отступать.

— Ты говорил с кем-нибудь об этом? — спросил Николай.

— Нет. Пока не вижу смысла тревожить людей.

— А императора?

Леонтий усмехнулся.

— Думаешь, император не знает того, о чём говорят торговцы в гавани?

Николай опустил глаза.

Он знал, что Леонтий прав.

Вечером, когда гость ушёл, Анна заметила, что отец долго не выходит из своей комнаты. Она постучала и, не дожидаясь ответа, приоткрыла дверь.

Николай сидел у стола. Перед ним лежала старая деревянная шкатулка, которую Анна знала с детства, но никогда не видела открытой.

— Ты звал меня? — спросила она.

— Нет, дочь моя. Но хорошо, что ты пришла.

Он поднял крышку. Внутри лежали несколько писем, небольшой серебряный крест и потемневшая от времени печать.

— Это принадлежало твоему деду, — сказал Николай. — Он передал мне эти вещи незадолго до смерти.

Анна села рядом.

— Почему ты никогда не показывал мне их?

— Потому что некоторые воспоминания лучше хранить до тех пор, пока человек не станет достаточно взрослым, чтобы понять их.

Он достал одно из писем. Бумага пожелтела, края её были надорваны, а чернила местами почти исчезли.

— Твой дед пережил осаду, когда был ещё мальчиком. Он рассказывал, что люди тогда тоже верили, будто город никогда не падёт.

— Но город выстоял.

— Да. И именно поэтому люди привыкли считать его бессмертным.

Николай осторожно сложил письмо.

— Однако ни один город не может существовать только благодаря своим стенам. Его держат люди. Их мужество, их согласие защищать друг друга, их вера в то, что завтра они снова встретятся за одним столом.

Анна посмотрела на отца.

— Ты боишься, что на этот раз всё будет иначе?

Николай долго не отвечал.

— Я боюсь не за себя.

— За меня?

Он взял её руку.

— За тебя. За Михаила. За Леона. За всех тех, кто даже не подозревает, насколько хрупким может оказаться привычный мир.

Анна хотела возразить, но не нашла слов.

За окном медленно темнело. На другой стороне гавани зажигались огни, и их отражения дрожали на воде. Где-то далеко звучали вечерние молитвы.

Николай закрыл шкатулку.

— Пойдём, дочь моя. Не будем сегодня думать о плохом.

Они вышли во двор. Анна принесла отцу лёгкую накидку, а сама остановилась у виноградной лозы. Ветер едва заметно шевелил её листья.

— Папа, — тихо сказала она.

— Да?

— Как ты думаешь, город когда-нибудь перестанет быть нашим?

Николай посмотрел на неё, затем на дома, крыши, улицы и далёкие башни, которые возвышались над вечерним небом.

— Город может потерять стены, дочь моя. Может потерять дворцы, храмы и даже своё имя. Но пока хотя бы один человек помнит его таким, каким он был, город не исчезает окончательно.

Анна прижалась к отцу.

В ту ночь она долго не могла уснуть. Ей казалось, что где-то за пределами города, за тёмной линией Босфора, уже движется нечто огромное и неотвратимое.

Но она ещё не знала, что однажды ей придётся выбирать между любовью к человеку и любовью к городу, который был её домом.

И что этот выбор изменит не только её собственную судьбу.

Глава четвёртая. Девушка с византийской набережной

Утро выдалось необыкновенно ясным. Над Золотым Рогом медленно поднимался лёгкий туман, растворяясь в первых лучах солнца, а вода у причалов казалась неподвижной, словно огромная чаша, наполненная жидким серебром.

На набережной уже кипела жизнь. Рыбаки выкладывали улов на прилавки, грузчики перекрикивались возле кораблей, торговцы спорили о цене привезённых товаров. Из открытых дверей небольшой пекарни доносился запах свежего хлеба.

Среди этой привычной суеты появилась молодая женщина.

Её звали Ирина Дука. Ей было двадцать два года. Она происходила из семьи, которая когда-то пользовалась уважением при императорском дворе, но со временем утратила значительную часть своего состояния. Её отец, Михаил Дука, служил переписчиком при одном из монастырей, а мать умерла, когда Ирина была ещё ребёнком.

Она жила с отцом в небольшом доме неподалёку от набережной и помогала ему переписывать старинные рукописи. Ирина знала греческий, немного латынь и могла читать тексты на итальянском. Но больше всего она любила не книги, а людей.

Ей нравилось наблюдать за ними, угадывать их настроение, слушать разговоры и представлять, какие истории скрываются за незнакомыми лицами.

В тот день она пришла к гавани не случайно.

Уже несколько недель она ждала корабль, который должен был прибыть из Генуи. На его борту находился человек, которого она не видела почти два года.

Его звали Андреа Гримальди.

Они познакомились при весьма необычных обстоятельствах. Однажды, возвращаясь из монастыря, Ирина увидела, как двое молодых людей спорили возле книжной лавки. Один из них говорил по-гречески с таким ужасным акцентом, что она невольно улыбнулась.

— Если вы собираетесь торговаться на этом языке, — заметила она, проходя мимо, — то лучше сразу предложите половину цены. Иначе продавец решит, что вы ничего не понимаете.

Незнакомец обернулся.

— А если я действительно ничего не понимаю?

— Тогда вам придётся заплатить вдвое дороже.

Он рассмеялся.

Так началось их знакомство.

Андреа был генуэзским купцом, хотя торговля занимала далеко не всё его время. Он интересовался картами, мореплаванием, архитектурой и историей Восточной Римской империи. В Константинополь он приезжал неоднократно, и с каждым посещением город нравился ему всё больше.

Ирина поначалу относилась к нему с осторожностью. Чужеземцы нередко появлялись в городе, восхищались его богатством, а затем исчезали вместе с товарами и обещаниями.

Но Андреа оказался другим.

Он не пытался казаться умнее, чем был, не скрывал своего незнания и никогда не смеялся над тем, чего не понимал. Иногда они спорили часами, причём чаще всего поводом становились совершенно незначительные вещи.

Однажды он заявил, что генуэзские корабли лучше византийских.

Ирина ответила, что генуэзцы, вероятно, считают свои корабли лучше всего на свете, поскольку привыкли смотреть на мир исключительно из-за бортов собственных судов.

Андреа тогда долго смеялся и сказал, что именно поэтому ему нравится разговаривать с ней.

Потом он уехал.

Ирина не любила вспоминать тот день. Они расстались без обещаний, хотя оба прекрасно понимали, что эти два года не прошли для них бесследно.

Теперь корабль должен был прибыть со дня на день.

Она остановилась возле каменной ограды и посмотрела на пролив.

— Вы кого-то ждёте?

Ирина обернулась. Рядом стоял пожилой рыбак, которого она знала в лицо.

— Возможно.

— Тогда желаю вам, чтобы тот, кого вы ждёте, оказался человеком, способным вернуться.

— А разве бывают такие, которые не способны?

Рыбак пожал плечами.

— Бывают те, кому мешает море. Бывают те, кому мешают деньги. А бывают те, кому мешает собственное сердце.

Ирина улыбнулась.

— Вы слишком много рассуждаете для человека, который всю жизнь ловит рыбу.

— А вы слишком мало знаете о рыбах, если думаете, что они не умеют разбираться в человеческих делах.

Он подмигнул ей и пошёл к своим сетям.

Ирина снова посмотрела на воду.

Вдалеке показался корабль. Он медленно приближался к гавани, рассекая носом гладкую поверхность пролива. На мачте развевался генуэзский флаг.

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Корабль вошёл в гавань не сразу. Сначала матросы бросили якорь, затем к борту подошла небольшая лодка. На палубе показались люди, среди которых Ирина сразу узнала знакомую фигуру.

Андреа стоял у поручней и смотрел на берег.

Их взгляды встретились.

Он улыбнулся, но Ирина вдруг заметила, что за прошедшие два года в его лице появилось что-то новое. Не старость, не усталость — скорее, выражение человека, который слишком многое увидел и не всё из увиденного сумел забыть.

Когда он ступил на пристань, Ирина не сразу подошла к нему.

— Значит, всё-таки вернулся, — сказала она.

— Я обещал.

— Ты ничего не обещал.

— Тогда, возможно, я обещал самому себе.

Она опустила глаза, чтобы скрыть улыбку.

Андреа протянул ей небольшой свёрток.

— Это тебе.

— Что там?

— Открой.

Внутри лежала тонкая книга в кожаном переплёте. На обложке было вытиснено название на латинском языке.

— Я нашёл её в Венеции, — объяснил он. — Там есть несколько текстов, которые могут заинтересовать твоего отца. Я подумал, что он захочет их переписать.

Ирина осторожно провела пальцами по переплёту.

— Ты помнишь, что я рассказывала тебе о его работе?

— Я помню гораздо больше, чем ты думаешь.

Она подняла глаза.

На мгновение между ними возникло то молчание, которое иногда говорит больше любых признаний.

— Пойдём, — сказала Ирина. — Отец будет рад тебя видеть.

Они двинулись вдоль набережной. Андреа рассказывал о путешествии, о Венеции, о буре в Эгейском море и о том, как один из матросов умудрился потерять сапог, не покидая корабля.

Ирина смеялась, но время от времени поглядывала на него, пытаясь понять, почему в его рассказах всё чаще появлялись паузы.

Наконец она спросила:

— Андреа, что случилось?

Он остановился.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я знаю тебя.

Он посмотрел на море.

— В Генуе говорят о Константинополе.

— Здесь тоже говорят.

— Но там говорят иначе. Купцы обсуждают крепость, которую строит султан. Моряки опасаются новых ограничений. Некоторые считают, что скоро торговля через пролив станет слишком опасной.

— И что ты думаешь?

Андреа помолчал.

— Я думаю, что люди слишком часто принимают надежду за уверенность.

Ирина почувствовала, как её прежняя радость постепенно уступает место тревоге.

— Ты ведь не собираешься снова уезжать?

Он повернулся к ней.

— Я только что вернулся.

— Это не ответ.

Андреа хотел что-то сказать, но промолчал.

В этот момент над гаванью раздался колокольный звон. На улицах продолжалась обычная жизнь. Люди покупали хлеб, спорили, приветствовали знакомых, торопились по своим делам.

Никто из них ещё не знал, что совсем скоро привычный порядок начнёт разрушаться.

А Ирина, стоявшая рядом с человеком, которого ждала два долгих года, впервые подумала, что иногда самое страшное в любви — это не потерять любимого человека, а получить его обратно и почувствовать, что судьба уже готовит новую разлуку.

Глава пятая. Чужеземец из Генуи

Генуэзская колония Галата жила собственной жизнью, хотя её судьба давно была связана с судьбой Константинополя. По другую сторону Золотого Рога возвышались стены древней столицы, сияли купола храмов, шумели рынки и причалы. Здесь же, среди узких улиц, складов и торговых контор, звучала итальянская речь, пахло морской солью, пряностями и дорогой кожей.

Галата была городом внутри города, местом, где Восток и Запад встречались не столько ради дружбы, сколько ради торговли. Генуэзцы привозили сюда товары из далёких стран, заключали соглашения, спорили о пошлинах, нанимали корабли и внимательно следили за тем, как меняется положение империи.

В одном из домов неподалёку от башни Галаты остановился человек, прибывший из Италии несколько дней назад. Его звали Лоренцо ди Марини. Он был немолод, но ещё крепок, носил аккуратно подстриженную бороду и одевался сдержанно, предпочитая дорогим украшениям хорошую ткань и удобную обувь.

Лоренцо не был обычным купцом. В молодости он участвовал в морских экспедициях, служил посредником между торговыми домами Генуи и Константинополя, а затем занялся перевозкой редких рукописей, художественных изделий и предметов, которые могли заинтересовать состоятельных заказчиков.

Он знал несколько языков, умел слушать и почти никогда не говорил больше необходимого. За долгие годы путешествий он усвоил простую истину: человек, который слишком охотно рассказывает о себе, обычно скрывает самое важное.

В тот вечер он сидел у окна и рассматривал противоположный берег.

Константинополь медленно погружался в сумерки. На воде покачивались корабли, над городом поднимался дым домашних очагов, а на улицах постепенно зажигались огни.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился молодой человек лет двадцати пяти. Высокий, худощавый, с тёмными волосами и несколько беспокойным взглядом. Его звали Маттео Беллини. Он был помощником Лоренцо, хотя сам предпочитал считать себя его учеником.

— Вы меня звали?

— Да. Садись.

Маттео сел напротив.

— Завтра утром мне понадобится, чтобы ты переправился через Золотой Рог.

— Куда именно?

— В город. Найдёшь человека по имени Михаил Дука. Он переписывает рукописи при монастыре.

Молодой человек нахмурился.

— У него есть отношение к нашим делам?

— Возможно.

— Вы говорите так, словно сами не уверены.

Лоренцо посмотрел на него.

— Я давно перестал считать уверенность достоинством. Иногда она мешает заметить то, что лежит прямо перед глазами.

Маттео промолчал.

— Передашь ему письмо. Не пытайся читать его по дороге и не задавай лишних вопросов.

— А если он спросит, кто прислал?

— Скажешь правду. Лоренцо ди Марини.

— Он знает вас?

— Когда-то знал.

Молодой человек поднялся.

— Ещё что-нибудь?

— Да. По дороге постарайся не смотреть на крепостные стены слишком долго.

Маттео усмехнулся.

— Почему?

— Потому что люди, которые слишком долго смотрят на стены, рано или поздно начинают думать о том, что находится за ними.

Лоренцо произнёс это почти шутливо, но Маттео не засмеялся.

Когда дверь закрылась, старый купец снова повернулся к окну.

Он знал Михаила Дуку много лет назад. Тогда тот был молодым человеком, увлечённым древними текстами и историей своего народа. Их познакомил один итальянский священник, занимавшийся переводами греческих рукописей. С тех пор судьбы обоих разошлись, и Лоренцо не ожидал, что однажды ему придётся вновь обратиться к этому человеку.

Письмо, которое он собирался передать, было коротким. Но за несколькими строками скрывалась история, которую Лоренцо предпочёл бы никогда не вспоминать.

Он достал из деревянного ящика небольшую медную пластинку с выгравированным изображением двуглавого орла. Долго держал её в руке, затем завернул в кусок ткани и убрал обратно.

Некоторые вещи, думал он, лучше не показывать даже тем, кому доверяешь.

На следующее утро Маттео переправился через Золотой Рог.

В городе было многолюдно. На пристанях разгружали корабли, по улицам двигались повозки, торговцы раскладывали товары, а возле храмов собирались люди, спешившие на утреннюю службу.

Маттео не спеша шёл по указанному адресу. Он был в Константинополе впервые и невольно задерживал взгляд на каждом здании. Его поражали не столько размеры храмов,

сколько их возраст. Казалось, здесь даже камни помнили времена, о которых в Генуе говорили как о далёкой легенде.

Он остановился возле небольшой церкви, когда услышал за спиной:

— Вы, должно быть, ищете кого-то.

Маттео обернулся.

Перед ним стоял мужчина лет пятидесяти пяти, худощавый, с седыми волосами и внимательными глазами. Его одежда была простой, но чистой. В руках он держал несколько свёрнутых листов пергамента.

— Михаил Дука? — спросил Маттео.

— Смотря кто спрашивает.

— Маттео Беллини. Я прибыл из Галаты. У меня письмо от Лоренцо ди Марини.

При упоминании этого имени лицо Михаила заметно изменилось.

— Лоренцо ещё жив?

— Насколько мне известно, да.

— Тогда, возможно, сегодня мне предстоит вспомнить кое-что неприятное.

Маттео протянул письмо.

Михаил не стал вскрывать его на улице. Он предложил молодому человеку пройти в дом.

Там, в небольшой комнате, заставленной книгами и письменными принадлежностями, он наконец развернул письмо.

Прочитав первые строки, Михаил медленно опустился на стул.

— Что там? — осторожно спросил Маттео.

Старик поднял на него глаза.

— Там говорится о человеке, которого я считал погибшим много лет назад.

— Он жив?

— Не знаю. Но если Лоренцо решил напомнить мне о нём именно теперь, значит, произошло нечто, чего я пока не понимаю.

Михаил снова посмотрел на письмо.

Внизу стояла короткая приписка:

«То, что мы однажды решили забыть, может оказаться важнее всего, что нам предстоит узнать».

Старик сложил листы и убрал их в ящик.

За окном звонили колокола. По улице проходили люди, кто-то громко торговался, кто-то звал ребёнка, а из соседнего дома доносился запах свежеиспечённого хлеба.

Мир продолжал жить.

Но в маленькой комнате, среди старых рукописей, только что пробудилось прошлое, которое ещё не сказало своего последнего слова.

Глава шестая. Тайна старого монастыря

Михаил Дука не спал почти всю ночь.

Письмо Лоренцо лежало на столе рядом с раскрытой рукописью. Несколько раз Михаил принимался читать его снова, словно надеялся обнаружить между строк нечто, чего не заметил прежде. Но слова оставались прежними.

Он знал Лоренцо достаточно хорошо, чтобы понимать: этот человек не стал бы тревожить прошлое без серьёзной причины.

Особенно теперь.

Утром Михаил отправился в старый монастырь, расположенный неподалёку от одного из тихих кварталов города. Там он проводил большую часть своего времени, переписывая богословские сочинения, исторические хроники и древние тексты, которые монахи стремились сохранить для будущих поколений.

Монастырь был невелик. Его стены потемнели от времени, каменная кладка местами осыпалась, а деревянные двери давно требовали ремонта. Но внутри царила особая тишина, не похожая на ту, что бывает в пустом доме. Здесь тишина словно имела собственную жизнь: она сопровождала шаги монахов, растворялась в негромких молитвах, жила между страницами старых книг.

Михаил любил это место.

Когда-то он пришёл сюда совсем молодым человеком, переживавшим смерть матери и не находившим себе места среди людей. Тогдашний настоятель, отец Феодор, не стал расспрашивать его о причинах печали. Он просто предложил Михаилу работу переписчика.

— Человек, который умеет внимательно читать, — сказал он тогда, — однажды научится внимательнее смотреть и на собственную жизнь.

С тех пор прошло много лет.

Отец Феодор давно умер, а его место занял архимандрит Гавриил — человек строгий, немногословный, но справедливый. Он не любил вмешиваться в чужие дела, хотя обладал редкой способностью замечать то, о чём другие предпочитали молчать.

Когда Михаил вошёл в монастырский двор, Гавриил уже сидел под старой оливой и читал молитвенную книгу.

— Ты сегодня рано, Михаил.

— Мне нужно кое-что проверить в архиве.

Настоятель поднял глаза.

— Ты говоришь так, словно собираешься искать там не книгу, а человека.

Михаил невольно улыбнулся.

— Иногда это почти одно и то же.

— Тогда ищи внимательно. В книгах люди оставляют больше следов, чем думают.

Михаил направился к небольшому помещению, где хранились старые рукописи. В отличие от главного зала, здесь почти не бывали посторонние. Книги размещались в деревянных шкафах, на полках лежали свёртки пергамента, а в дальнем углу стоял тяжёлый сундук, который, по словам прежнего настоятеля, не открывали уже много десятилетий.

Михаил остановился перед ним.

Он знал этот сундук.

В детстве, когда отец Феодор ещё был жив, ему однажды довелось увидеть, как настоятель доставал оттуда старую книгу. Тогда Михаил спросил, почему её не хранят вместе с остальными рукописями.

— Потому что не всякое знание следует передавать без размышления, — ответил старец.

Михаил тогда не понял смысла этих слов.

Теперь они вернулись к нему с неожиданной ясностью.

Он достал из кармана ключ, который много лет хранил среди своих личных вещей. Отец Феодор передал его ему незадолго до смерти, попросив не пользоваться им без необходимости.

Замок поддался не сразу.

Крышка сундука поднялась с тяжёлым скрипом.

Внутри лежали несколько старых пергаментов, обрывки переписки и небольшая книга в потемневшем кожаном переплёте. На её обложке не было ни названия, ни имени автора.

Михаил осторожно вынул книгу.

Первые страницы оказались посвящены истории одного из древних монастырей Византии. Затем следовали записи о пожертвованиях, земельных владениях и именах людей, которые когда-то помогали обители.

Но ближе к середине почерк менялся.

На нескольких страницах были записаны события, не имевшие отношения к монастырскому хозяйству. Упоминались какие-то посланники, переданные письма, встречи в императорском дворце и человек, чьё имя Михаил узнал сразу.

Николай Дука.

Его собственный отец.

Михаил почувствовал, как похолодели руки.

Отец никогда не рассказывал ему о связи с монастырём. Более того, он всегда утверждал, что занимался исключительно перепиской и не имел отношения к придворным делам.

Михаил перевернул страницу.

Там стояла дата, а под ней несколько строк:

«В этот день был принят человек, прибывший из Италии. Он передал письмо, адресованное тому, чьё имя не должно быть произнесено вслух. По просьбе настоятеля запись об этой встрече внесена в книгу, дабы память о случившемся не исчезла окончательно».

Далее следовала подпись.

Но она была почти стёрта.

Михаил долго рассматривал её, пытаясь разобрать отдельные буквы. Затем осторожно положил книгу на стол.

В этот момент за его спиной послышались шаги.

— Нашёл то, что искал?

Михаил обернулся. В дверях стоял архимандрит Гавриил.

— Я не знал, что здесь хранится эта книга.

Настоятель подошёл ближе и посмотрел на раскрытые страницы.

Его лицо стало серьёзным.

— Значит, настал день, когда ты должен был её увидеть.

— Вы знали о ней?

— Конечно.

— И знали, что в ней упоминается мой отец?

Гавриил помолчал.

— Я знал, что твой отец однажды помог сохранить то, что некоторые люди предпочли бы уничтожить.

— Что именно?

— Не знаю. Или, вернее, не могу сказать, что знаю всё.

Михаил с недоверием посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что мой отец был связан с каким-то тайным делом?

— Я хочу сказать, что жизнь твоего отца была гораздо сложнее, чем он рассказывал тебе.

Михаил снова взглянул на книгу.

— Почему же он молчал?

— Иногда молчание становится единственным способом защитить тех, кого любишь.

Эти слова прозвучали неожиданно знакомо.

Михаил вспомнил письмо Лоренцо.

«То, что мы однажды решили забыть, может оказаться важнее всего, что нам предстоит узнать».

— Вы знаете Лоренцо ди Марини? — спросил он.

Гавриил посмотрел на него.

— Знаю это имя.

— Он прислал мне письмо.

— Тогда, возможно, прошлое решило напомнить о себе не только тебе.

Настоятель отошёл к окну.

За стенами монастыря начинался новый день. Вдали слышались голоса торговцев, шум телег и звон колоколов. Город жил своей привычной жизнью, не подозревая, что в маленьком монастырском архиве только что была обнаружена нить, связывающая несколько судеб.

— Михаил, — произнёс Гавриил, не оборачиваясь. — Если решишь продолжить поиски, помни: правда не всегда приносит облегчение. Иногда она лишь открывает дверь, за которой ждёт другая боль.

— Но если не искать её, мы так и останемся пленниками чужого молчания.

Настоятель медленно кивнул.

— Возможно, ты прав.

Михаил завернул книгу в ткань и положил её обратно в сундук. Однако теперь он уже не собирался оставлять её там надолго.

Он ещё не знал, что эта старая рукопись однажды заставит его сделать выбор, последствия которого затронут не только его семью.

И не подозревал, что в Галате другой человек уже начал вспоминать события, которые считал навсегда похороненными.

Глава седьмая. Последний праздник

В Константинополе умели праздновать.

Даже в годы тревог и неопределённости жители города не отказывались от привычных торжеств. Они отмечали церковные праздники, устраивали семейные застолья, собирались на площадях, слушали музыкантов и старались сохранить хотя бы внешнее ощущение прежней жизни.

В тот день один из богатых торговцев пригласил родственников, друзей и нескольких соседей на семейное торжество. Его младшая дочь выходила замуж, и отец решил устроить праздник, достойный старых византийских традиций.

Дом находился в одном из оживлённых кварталов. Двор украсили зелёными ветвями, вдоль стен поставили столы, а над входом повесили цветные ткани. С самого утра слуги носили посуду, приносили вино, хлеб, рыбу, оливки, фрукты и приготовленные на огне блюда.

К полудню начали собираться гости.

Среди приглашённых были Николай Вардас с дочерью Анной, Ирина Дука с отцом и несколько знакомых торговцев.

Анна приехала раньше остальных. Её попросили помочь невесте с приготовлениями, и она с удовольствием согласилась. Ей нравились такие дни: в них было что-то освобождающее от повседневных забот. Люди становились приветливее, забывали старые обиды и хотя бы на несколько часов позволяли себе верить, что жизнь состоит не только из торговли, долгов и тревог.

Невеста, молодая девушка по имени Елена, сидела в небольшой комнате рядом с матерью.

— Ты очень бледна, — заметила Анна.

— Я волнуюсь.

— Это естественно.

— А если он окажется совсем не таким, каким я его представляю?

Анна улыбнулась.

— Тогда тебе придётся познакомиться с настоящим человеком, а не с тем, которого ты придумала.

Елена посмотрела на неё с тревогой.

— А ты сама когда-нибудь была влюблена?

Анна не сразу ответила.

— Была.

— И что случилось?

— Пока ничего.

— Это хорошо или плохо?

— Иногда, Елена, отсутствие событий оказывается самым большим событием в жизни.

Девушка засмеялась, хотя и не вполне поняла ответ.

Когда гости собрались во дворе, появился жених. Он был сыном состоятельного купца, человеком образованным и спокойным. Его звали Феофил. Он держался с достоинством, но при виде Елены заметно смутился.

Николай Вардас, наблюдавший за происходящим со стороны, наклонился к Леонтию, который тоже был среди приглашённых.

— Хороший парень, — тихо сказал он.

— Откуда знаешь?

— Посмотри на него.

— И что я должен увидеть?

— Он смотрит на невесту так, словно боится сделать лишнее движение.

Леонтий усмехнулся.

— Тогда у него ещё есть надежда. Хуже всего, когда мужчина перестаёт бояться потерять женщину.

Николай покачал головой.

— Ты никогда не изменишься.

— И не собираюсь. В моём возрасте перемены опасны для здоровья.

Праздник начался.

Музыканты играли на струнных инструментах, молодые люди танцевали, а старшие гости вспоминали собственную молодость. Вино постепенно развязывало языки, и разговоры становились всё громче.

Андреа Гримальди сидел рядом с Ириной. Он приехал вместе с ней и Михаилом, но почти всё время молчал, наблюдая за собравшимися.

— Ты опять думаешь о чём-то своём, — сказала Ирина.

— Я слушаю.

— Ты никогда не слушаешь так, когда тебе хорошо.

Андреа повернулся к ней.

— А когда мне плохо?

— Тогда ты начинаешь рассказывать истории.

Он улыбнулся.

— Значит, ты всё-таки научилась меня понимать.

— К сожалению, да.

Некоторое время они молчали.

— Ирина, — наконец произнёс он, — я должен тебе кое-что сказать.

Она посмотрела на него.

— Только не сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня свадьба. Сегодня люди обещают друг другу быть вместе, а не объясняют, почему могут расстаться.

Андреа опустил глаза.

— Ты всегда умела выбирать момент для самых трудных слов.

— А ты всегда находил способ отложить их.

Он хотел возразить, но не стал.

В другом конце двора Михаил Дука разговаривал с Николаем Вардасом. Они давно знали друг друга, хотя близкими друзьями никогда не были.

— Ты выглядишь усталым, Михаил, — заметил Николай.

— Последние дни были непростыми.

— Работа?

— Скорее, воспоминания.

Николай посмотрел на него внимательнее.

— Иногда воспоминания опаснее настоящих событий.

Михаил чуть улыбнулся.

— Сегодня все говорят загадками.

— Наверное, потому, что никто не хочет портить праздник.

В этот момент к ним подошёл Леонтий.

— Господа, если вы собираетесь обсуждать печальные вещи, делайте это хотя бы с чашей вина в руке. Иначе окружающие решат, что мы собрались на похороны.

Николай рассмеялся.

— Вот человек, который умеет возвращать жизнь даже самому унылому разговору!

Леонтий поднял чашу.

— За молодых! Пусть им достанется больше счастья, чем нам досталось в их возрасте!

Гости поддержали его возгласами.

На мгновение все тревоги отступили.

Когда солнце начало опускаться к горизонту, праздник достиг своего наибольшего оживления. Дети бегали между столами, музыканты играли всё быстрее, а молодожёны принимали поздравления.

Ирина вышла во двор и остановилась у стены, увитой виноградной лозой. Отсюда был виден небольшой участок вечернего неба.

Андреа подошёл к ней.

— Ты сердишься на меня?

— Нет.

— Тогда почему ты всё время отводишь взгляд?

— Потому что боюсь увидеть в твоих глазах ответ, которого не хочу слышать.

Он помолчал.

— Мне предложили вернуться в Геную.

Ирина закрыла глаза.

— Когда?

— Через несколько недель.

— Ты уже согласился?

— Нет.

— Но думаешь об этом?

Андреа не ответил.

Она медленно повернулась к нему.

— Знаешь, что самое трудное в ожидании, Андреа? Не расстояние. Не время. И даже не неизвестность. Самое трудное — когда человек, которого ты ждёшь, сам ещё не решил, хочет ли он остаться.

— Ирина…

— Не надо. Сегодня не говори ничего. Я хочу хотя бы один вечер прожить без необходимости угадывать твоё будущее.

Она вернулась к гостям.

Андреа остался у стены.

Вскоре начались последние танцы. Невеста и жених стояли рядом, принимая поздравления. Николай Вардас, немного уставший, сидел за столом и с улыбкой наблюдал за молодыми людьми.

Он вдруг подумал о том, как быстро проходит человеческая жизнь.

Когда-то он сам был таким же молодым. Когда-то его жена смеялась во дворе родительского дома, когда-то они строили планы, не подозревая, сколько потерь им предстоит пережить.

Теперь рядом была дочь. И ему хотелось одного: чтобы её жизнь оказалась счастливее его собственной.

— О чём задумался? — спросил Леонтий.

— О том, что мы слишком редко понимаем ценность обычных дней.

Леонтий посмотрел на танцующих.

— Может быть, потому, что обычные дни кажутся нам бесконечными.

Николай кивнул.

— Именно.

Когда гости начали расходиться, невеста ещё раз обняла Анну. Во дворе постепенно гасли огни, слуги убирали посуду, музыканты складывали инструменты.

Праздник закончился.

А город продолжал жить.

В эту ночь на улицах ещё долго звучали голоса возвращавшихся домой людей. Где-то плакал ребёнок, где-то ссорились соседи, в гавани переговаривались матросы, а в одном из монастырей монах медленно перелистывал старую книгу.

Никто из собравшихся на празднике не мог знать, что для некоторых из них это окажется последним вечером, когда они будут вместе в такой беззаботной обстановке.

И никто не мог предположить, что совсем скоро слово «завтра» приобретёт для жителей Константинополя совершенно иной смысл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕНИ НАД БОСФОРОМ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. НОВЫЙ СУЛТАН

Весной 1451 года в одном из дворцовых покоев Адрианополя стояла тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием дров в жаровне.

Мурад II умер.

Для одних эта смерть означала конец долгого правления, для других — начало опасной неопределённости. В столице османов уже знали имя наследника. Мехмед, сын покойного султана, возвращался к власти, которую однажды уже держал в своих руках, но тогда был слишком молод, чтобы удержать её.

Теперь ему было девятнадцать.

Возраст, в котором иные молодые люди только начинают понимать собственные желания, а он уже должен был распоряжаться судьбами народов.

Когда Мехмед вошёл в зал, собравшиеся сановники поднялись. Он не торопился занять место отца. Несколько мгновений стоял перед пустым троном, словно хотел рассмотреть не его золотые украшения, а невидимую тяжесть, которую тот нёс.

— Ваш отец был мудрым правителем, повелитель, — произнёс великий визирь Халил-паша.

Мехмед повернул голову.

— Мудрость не всегда означает победу.

— Но она позволяет сохранить то, что уже завоёвано.

— А если этого недостаточно?

Халил-паша помолчал.

Он знал, что новый султан не любил пустых разговоров. Ещё мальчиком Мехмед мог часами расспрашивать учителей о древних царствах, военных походах и судьбах империй. Он читал о великих полководцах, изучал языки, интересовался устройством осадных машин и не скрывал своего восхищения Александром Македонским.

Но за любознательностью юноши скрывалось нечто более опасное — убеждение, что предназначение человека состоит не в том, чтобы продолжать начатое другими, а в том, чтобы превзойти их.

— Ваш отец оставил вам сильное государство, — осторожно сказал визирь. — И мир, который ещё можно сохранить.

— Мир? — переспросил Мехмед.

Он наконец сел на трон.

— Разве это мир, если на берегу Босфора стоит город, который считает себя вправе закрывать перед нами проливы? Разве это мир, если каждый наш шаг зависит от чужого решения?

Халил-паша понял, о каком городе идёт речь.

Константинополь.

Его имя не прозвучало, но оно словно присутствовало в зале вместе с ними.

— Император Константин не располагает силами, чтобы угрожать нам, — заметил визирь. — Его владения давно сократились. В казне недостаточно средств, войско невелико, а западные христиане больше заняты собственными раздорами, чем спасением Византии.

— Именно поэтому он опасен, — ответил султан.

Визирь нахмурился.

— Не понимаю, повелитель.

— Слабый сосед, за которым стоят могущественные покровители, иногда опаснее сильного врага. Он может позволить себе дерзость, потому что надеется на чужую помощь. А мы вынуждены учитывать не только его собственные силы, но и намерения тех, кто желает сохранить его ради своих интересов.

Мехмед поднялся и подошёл к карте, висевшей на стене. На ней были обозначены земли Османской державы, побережья Чёрного моря, Балканы, Малая Азия и проливы.

Его палец остановился на Босфоре.

— Посмотрите сюда, Халил-паша. Кто владеет этим проливом, тот держит в руках дорогу между двумя морями. А посреди этой дороги стоит город, который слишком долго считал себя хозяином мира.

— Константинополь пережил много осад, повелитель.

— Я знаю.

— Его стены считаются неприступными.

— Я тоже знаю.

— И всё же вы говорите о нём так, будто уже приняли решение.

Мехмед посмотрел на визиря.

— Решение ещё не принято. Но вопрос должен быть решён.

Халил-паша отвёл глаза. Он служил государству достаточно долго, чтобы понимать разницу между замыслом, который можно обсуждать, и мыслью, уже поселившейся в душе правителя. Вторую невозможно было изгнать советами.

В тот вечер новый султан долго не покидал дворцовых покоев.

Он приказал принести книги, связанные с историей Византии, и несколько старых описаний крепостных сооружений. Затем попросил позвать военных инженеров. Разговор продолжался далеко за полночь.

Но Константинополь был не просто военной целью. Это понимали даже те, кто никогда не видел его стен.

Город обладал именем, которое знали от далёких западных берегов до восточных торговых путей. Его церкви, дворцы, библиотеки, рынки и гавани были частью истории, которую нельзя было перечеркнуть одним указом.

Мехмед понимал это лучше многих своих советников. Возможно, именно поэтому он не собирался довольствоваться обычной победой.

Он хотел войти в историю.

А история, как ему казалось, должна была начаться с города на Босфоре.

В Константинополе весть о смерти Мурада II встретили с осторожной надеждой.

В Большом дворце император Константин XI выслушал посланника, не перебивая. Затем попросил повторить имя нового султана.

— Мехмед? — переспросил он.

— Да, государь. Сын Мурада. Тот самый, который прежде уже занимал престол.

Император задумался.

— Молод.

— Ему девятнадцать лет.

Константин подошёл к окну. Внизу, во внутреннем дворе, двое придворных о чём-то спорили, а неподалёку слуги переносили корзины с провизией. Дворец продолжал жить своей обычной жизнью, словно перемена власти за проливом не имела к нему отношения.

— Молодость бывает милосердной, — произнёс император. — Но бывает и беспощадной.

— Мы можем рассчитывать, что новый султан пожелает укрепить своё положение и не станет начинать большую войну, — осторожно заметил один из советников.

— А можем ли мы рассчитывать на то, что он не пожелает прославиться?

Советник промолчал.

Константин повернулся к присутствующим.

— Не следует путать отсутствие войны с отсутствием опасности. Подготовьте посольства. Мы должны выяснить, какие намерения у нового правителя. И одновременно привести в порядок всё, что ещё можем привести.

— Казна, государь, — напомнил чиновник. — Наши возможности ограничены.

— Я знаю, — устало ответил Константин. — Мне не нужно каждый день напоминать, что у императора почти нет денег, армии и союзников. Я и без того просыпаюсь с этим знанием.

Он произнёс последние слова без раздражения, но в комнате стало неловко.

Император не был человеком, который искал виноватых среди тех, кто служил ему. Он понимал, что унаследовал не величие, а его остатки. И всё же продолжал считать себя ответственным за город.

— Мы не можем заставить Запад прийти к нам на помощь, — сказал он. — Но можем сделать так, чтобы, когда он наконец поймёт опасность, было ещё кого спасать.

Тем временем в доме Николая Вардаса жизнь шла своим чередом.

Анна стояла у стола и перебирала небольшие кусочки шёлка. Отец попросил её подготовить образцы для одного из постоянных покупателей. Работа была привычной, почти успокаивающей.

Но мысли девушки всё чаще возвращались к последним разговорам с Михаилом.

Он стал реже бывать у них. Когда появлялся, казался рассеянным, словно всё время прислушивался к чему-то, чего другие не слышали.

— Ты опять ошиблась, — заметил Николай, заглянув в её работу.

Анна вздрогнула.

— Где?

— Вот здесь. Ты положила рядом два совершенно разных оттенка.

— Они почти одинаковые.

— Для человека, который не умеет смотреть, возможно. Но покупатель заплатит за один, а получит другой.

Анна улыбнулась.

— Значит, мне ещё учиться и учиться.

Николай внимательно посмотрел на дочь.

— Ты сегодня какая-то другая.

— Просто устала.

— Нет. Усталость я знаю. Это не она.

Анна опустила глаза.

— Отец, ты когда-нибудь думал, что наша жизнь может измениться так быстро, что мы даже не успеем понять, когда всё началось?

Николай сел напротив.

— Каждый человек об этом думает, когда начинает бояться будущего.

— А если будущее уже наступило, а мы ещё продолжаем жить по-старому?

Он не ответил сразу.

За окном торговцы выкрикивали цены, звенели колокольчики на шеях осликов, где-то спорили грузчики. Город жил, торговал, любил, ссорился и строил планы. И именно эта обыкновенность казалась Николаю теперь особенно дорогой.

— Тогда, дочь моя, нужно не забывать жить, — сказал он наконец. — Но и не закрывать глаза на то, что происходит вокруг.

Анна кивнула.

Она хотела рассказать отцу о Михаиле, о странном письме, о тревоге, которую замечала в его глазах. Но не решилась. Ей казалось, что некоторые слова, однажды произнесённые вслух, уже невозможно будет вернуть обратно.

В тот же вечер Михаил Дука стоял у окна своего небольшого дома.

На столе лежала раскрытая книга, найденная им в старом монастыре. Рядом — письмо, которое он получил от Маттео Беллини. Он перечитал его уже несколько раз, но смысл некоторых строк оставался для него неясным.

«Есть вещи, которые отец оставляет сыну не ради наследства, а ради ответа, который тот однажды должен будет найти сам».

Михаил медленно сложил лист.

Он вдруг подумал, что всю жизнь знал своего отца лишь наполовину. И теперь, когда старые тайны начали открываться, ему предстояло решить, хочет ли он узнать остальное.

За окном раздались шаги.

Михаил подошёл к двери, но не открыл её сразу.

— Кто там?

— Это я, — ответил знакомый голос.

Он узнал его мгновенно.

— Андреа?

— Да. Нам нужно поговорить.

Михаил отпер дверь.

Генуэзец вошёл, оглядел комнату и задержал взгляд на книге.

— Значит, ты её нашёл.

— Ты знал о ней?

Андреа не ответил прямо.

— Я знаю только то, что некоторые люди готовы рискнуть жизнью ради того, чтобы эта книга никогда не попала в чужие руки.

— А теперь она у меня.

— Именно поэтому я и пришёл.

Михаил закрыл дверь.

Впервые за долгое время он почувствовал, что прошлое перестало быть чем-то далёким. Оно стояло перед ним, дышало, смотрело в глаза и требовало ответа.

— Говори, Андреа. Что происходит?

Генуэзец снял перчатки и положил их на стол.

— Сначала я должен рассказать тебе о твоём отце. Но обещай, что не станешь перебивать.

Михаил посмотрел на него.

— После всего, что произошло, ты ещё просишь меня обещать молчать?

— Нет. Я прошу тебя выслушать до конца. Иногда правда, услышанная наполовину, опаснее самой лжи.

Михаил медленно кивнул.

За стенами дома продолжал шуметь Константинополь. В его гавани разгружали корабли, в мастерских гасили огни, в домах матери укладывали детей спать. Никто из этих людей не знал, что над проливом уже начинала подниматься новая эпоха.

И пока одни думали о власти, другие — о любви, третьи — о тайнах своих отцов, город продолжал верить в завтрашний день.

Он ещё не знал, что однажды ему придётся бороться за само право увидеть этот день.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ЧЕЛОВЕК, ЗАДУМАВШИЙ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Адрианополе появился человек, которого поначалу никто не считал особенно важным.

Он не был ни послом, ни военачальником, ни богатым купцом. Его одежда выдавала долгую дорогу, руки были испачканы въевшейся металлической пылью, а лицо человека, привыкшего больше смотреть на железо и огонь, чем на собеседников. Он называл себя Урбаном и утверждал, что умеет создавать орудия, способные разрушать самые мощные крепостные стены.

При дворе султана подобных людей встречали нередко. Каждый второй приезжий мастер обещал изобрести оружие, которому не будет равных. Большинство таких обещаний заканчивалось просьбой о деньгах и почётном месте при дворе.

Но Урбан говорил иначе.

Он не просил сначала награды. Он просил предоставить ему металл, мастерскую, людей и время.

— Вы утверждаете, что сможете отлить орудие невиданного размера? — спросил его один из придворных чиновников.

— Я утверждаю, что смогу создать орудие, какого ещё не видели ваши противники.

— А если оно разорвётся при первом выстреле?

— Тогда я погибну вместе с ним.

Чиновник усмехнулся.

— Смелый ответ.

— Нет, господин. Просто я знаю, что говорю.

Весть о мастере дошла до султана.

Мехмед принял его в присутствии нескольких военных советников. Молодой правитель не стал тратить время на приветствия.

— Мне сказали, ты умеешь отливать большие пушки.

— Умею, повелитель.

— Насколько большие?

Урбан помедлил.

— Достаточно большие, чтобы изменить представление о крепостной войне.

— Это красивые слова. Я спрашиваю о деле.

Мастер подошёл к разложенным на столе чертежам. На одном из них были изображены ствол, опорные конструкции и устройство для заряжания. Он объяснял спокойно, без торжественности, указывая на отдельные детали.

Мехмед слушал внимательно.

— И какую стену ты намерен разрушить этим орудием?

Урбан поднял глаза.

— Любую, если у меня будет достаточно времени, пороха и возможности вести огонь.

— Даже стены Константинополя?

Мастер не ответил сразу.

— Именно такие стены я и имею в виду.

В зале стало тихо.

Один из советников недоверчиво покачал головой:

— Стены этого города стоят веками. Их не разрушали армии, которые были сильнее наших.

— Стены не бессмертны, — произнёс Урбан. — Они лишь достаточно долго сопротивлялись тем, кто не умел заставить их дрогнуть.

Мехмед посмотрел на него с новым интересом.

— Ты был в Константинополе?

— Был.

— И что ты там видел?

— Город, который слишком верит в свои стены.

Султан медленно улыбнулся.

— А ты, выходит, не веришь?

— Я верю в расчёт, повелитель. Камень не знает, кто перед ним стоит. Он подчиняется только силе, времени и законам природы.

Мехмед подошёл к чертежам.

— Сколько тебе понадобится?

— Много металла. Опытные литейщики. Несколько помощников. И средства, которые не придётся считать по каждой горсти угля.

— Ты получишь всё необходимое, если докажешь, что твои расчёты не пустая фантазия.

Урбан склонил голову.

— Я докажу.

Впоследствии его имя будут связывать с созданием огромных османских бомбард, хотя точные обстоятельства его работы и роль в изготовлении отдельных орудий остаются предметом исторических обсуждений. Но уже тогда было ясно: при дворе появился человек, чьи знания могли оказаться полезными в замысле султана.

Когда мастер ушёл, Халил-паша задержался.

— Повелитель, подобные орудия требуют огромных расходов. Их перевозка сама по себе станет военной операцией. А применение не гарантирует победы.

— Я не покупаю гарантию победы, Халил-паша. Я покупаю возможность.

— Возможность чего?

Мехмед посмотрел на карту.

— Изменить то, что прежде считалось неизменным.

Визирь не ответил. Он всё чаще замечал, что молодой султан воспринимает сомнения не как доводы, а как препятствия, которые следует преодолеть.

Но Мехмед не был безумцем, мечтавшим о победе исключительно ради собственной славы. Он умел считать, умел ждать, умел слушать специалистов. И именно сочетание холодного расчёта с почти юношеской одержимостью делало его опасным противником.

В ту ночь он ещё долго рассматривал карту проливов.

На западном берегу Босфора лежал город, который однажды должен был стать частью его державы.

И чем больше Мехмед узнавал о Константинополе, тем яснее понимал: одной армии для этого недостаточно.

В то же время в Константинополе генуэзец Андреа Гримальди впервые услышал имя Урбана.

Он находился в небольшой торговой конторе у гавани, когда один из знакомых моряков, вернувшийся с восточного побережья, рассказал о необычном мастере, которого будто бы приняли при дворе султана.

— Говорят, он отливает пушки, каких никто прежде не видел.

— Пушки всегда были большими, — равнодушно заметил Андреа.

— Не такие. Султан собирает мастеров, покупает металл, нанимает людей. Там что-то затевается.

Андреа перестал перебирать бумаги.

— Ты слышал, для чего?

Моряк пожал плечами.

— Для войны, конечно. Только не знаю, с кем именно.

— С Константинополем, — негромко произнёс Андреа.

Собеседник посмотрел на него.

— Почему ты так решил?

— Потому что если человек строит необычайно большую пушку, он редко собирается стрелять по маленькой рыбацкой хижине.

Моряк рассмеялся, но Андреа не поддержал его веселья.

Позднее, когда он вышел на набережную, перед ним открылась знакомая панорама города. Солнце клонилось к воде, на рейде покачивались корабли, а над крышами поднимались купола и минареты соседних кварталов.

Он вспомнил Ирину.

Её голос, когда она говорила о будущем, её привычку улыбаться даже тогда, когда тревога уже проступала в глазах. Ему хотелось вернуться к ней не с очередным предупреждением, а с чем-то определённым, с доказательством, что опасность ещё можно остановить.

Но доказательств у него не было.

Было только предчувствие.

А предчувствие, как он знал, не спасает города.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КРЕПОСТЬ НА ЕВРОПЕЙСКОМ БЕРЕГУ

Весной 1452 года на европейском берегу Босфора появились первые отряды рабочих.

Они приходили с инструментами, лопатами, телегами, верёвками и мешками извести. За ними двигались солдаты, над которыми развевались знамёна султана. Вскоре к берегу начали доставлять камень, древесину и всё необходимое для большого строительства.

Место было выбрано не случайно.

Напротив, на азиатском берегу, уже стояла крепость Анадолу Хисары, построенная ещё при Баязиде I и позднее укреплённая. Теперь Мехмед решил создать напротив неё новое укрепление, чтобы контролировать важнейший участок пролива.

Европейский берег был узким, вода здесь сжималась между двумя материками. Корабли, направлявшиеся из Чёрного моря к Константинополю, должны были проходить неподалёку от этого места.

Новая крепость получила название Румели Хисары.

Для султана это было не просто строительство военного сооружения. Он намеревался превратить Босфор в пространство, где каждое судно должно будет считаться с волей османского государства.

Мехмед лично следил за ходом работ. Он приезжал на строительную площадку, осматривал укрепления, требовал ускорить доставку материалов и разговаривал с инженерами.

Работа шла напряжённо.

Крепость возводили в исключительно короткий срок. Участки строительства распределили между несколькими ответственными людьми, каждый из которых отвечал за свою часть сооружения. Каменщики трудились с раннего утра до темноты, а иногда и ночью, когда позволяли условия.

Султан не любил оправданий.

— Сколько ещё потребуется времени? — спросил он однажды у одного из руководителей работ.

— Если не будет задержек, повелитель, к концу лета основные укрепления будут готовы.

— А если будут задержки?

— Мы постараемся их избежать.

— Я спрашиваю не о том, что вы постараетесь сделать. Я спрашиваю, что вы сделаете, если они возникнут.

Строитель опустил голову.

— Найдём дополнительных людей.

— Найдите их сейчас.

Мехмед повернулся к проливу.

По воде медленно двигалось торговое судно. На его мачте развевался чужеземный флаг.

— Когда крепость будет готова, — сказал султан, — каждый капитан должен понимать, что Босфор больше не является дорогой, открытой по его желанию.

В Константинополе о строительстве узнали не сразу.

Сначала приходили обрывочные сведения от моряков и торговцев. Потом появились рассказы о многочисленных рабочих, о камне, который непрерывно доставляли к европейскому берегу, о солдатах, перекрывавших подходы к строительной площадке.

Наконец тревожные сообщения поступили в императорский дворец.

Константин XI выслушал доклад и попросил показать ему карту.

— Где именно? — спросил он.

Чиновник указал на берег Босфора.

Император долго смотрел на обозначенное место.

— Значит, он строит крепость напротив старой.

— Да, государь.

— И что это означает?

Советники переглянулись.

— Вероятно, султан намерен контролировать движение кораблей через пролив, — ответил один из них.

— Вероятно? — переспросил Константин. — Или совершенно очевидно?

Никто не ответил.

— Мы должны немедленно направить посольство, — произнёс император. — Потребовать объяснений и заявить протест.

— А если султан откажется?

Константин посмотрел на советника.

— Тогда мы хотя бы будем знать, что он не собирается считаться с нами.

— Государь, он и без того не обязан считаться с нашими желаниями.

Император не стал спорить.

Он понимал, что слова дипломатического протеста не остановят строительство. Но бездействие означало бы признать, что город уже утратил право голоса даже в вопросах собственной безопасности.

— Отправьте послов, — повторил он. — И сообщите командующим гарнизонами, чтобы они усилили наблюдение за проливом. Не провоцировать столкновений. Пока не провоцировать.

Последние два слова он произнёс тише.

В доме Николая Вардаса новости обсуждали за ужином.

Леонтий пришёл позднее обычного и почти не притронулся к еде. Николай заметил это сразу.

— Ты весь вечер молчишь. Что случилось?

— На Босфоре строят крепость.

Анна подняла глаза.

— Какую крепость?

— Большую. Напротив той, что стоит на азиатском берегу.

— Зачем? — спросила она.

Леонтий посмотрел на Николая.

— Чтобы держать пролив под контролем.

— Но ведь корабли всегда ходили там свободно.

— До сих пор ходили.

Николай положил ложку.

— Значит, султан решил перекрыть дорогу к нашему городу.

— Не только к городу, — ответил Леонтий. — К Чёрному морю. К торговле. К нашим связям с другими землями. Если он захочет, то сможет задерживать суда, требовать плату или вовсе не пропускать их.

Анна молчала.

Она вспомнила рассказы Андреа о генуэзских кораблях, о купцах, которые связывали Константинополь с далёкими портами. Весь привычный мир вдруг показался ей зависимым от нескольких пушек и каменных стен на чужом берегу.

— А император ничего не может сделать? — спросила она.

Леонтий тяжело вздохнул.

— Он может послать послов. Может обратиться за помощью к западным государям. Может укреплять наши стены. Но заставить султана остановиться ему нечем.

— Значит, мы будем просто ждать?

Николай посмотрел на дочь.

— Нет, Анна. Просто ждать мы не будем. Но есть вещи, которые не зависят от нас.

— А если однажды от нас будет зависеть всё?

Отец не нашёлся с ответом.

Вечером Андреа пришёл к Ирине.

Она ждала его у окна. На столике стояли две чашки, но чай давно остыл.

— Ты поздно, — сказала она.

— Прости. Я был у гавани.

— Опять новости?

Андреа снял плащ.

— Да.

Ирина не стала спрашивать. Она уже научилась узнавать по его лицу, когда он приносил в дом не просто известие, а тревогу.

— Расскажи.

— Султан строит крепость на европейском берегу. Напротив Анадолу Хисары.

— Зачем?

— Чтобы контролировать пролив.

Она медленно опустилась на стул.

— Значит, всё-таки началось.

— Что именно?

— То, о чём ты боялся говорить.

Андреа сел напротив неё.

— Я не знаю, начнётся ли война. Но теперь уже невозможно делать вид, что опасность существует только в разговорах.

Ирина посмотрела на его руки.

— Ты ведь можешь уехать?

Он не ответил.

— Андреа, я спрашиваю тебя не о том, что ты собираешься делать. Я спрашиваю, можешь ли ты уехать, если станет совсем опасно.

— Могу.

— И уедешь?

Он поднял глаза.

— Не знаю.

— Ты всегда говоришь, что море открывает дорогу в любую сторону. Но почему-то, когда речь идёт о тебе, ты всё время остаёшься здесь.

Андреа протянул руку и накрыл её ладонь своей.

— Потому что не все дороги ведут туда, куда хочется.

— А если однажды дорога назад закроется?

Он посмотрел на неё долго и серьёзно.

— Тогда мне придётся жить с тем выбором, который я сделаю.

Ирина отвела взгляд.

Она не хотела просить его остаться, потому что боялась услышать обещание, которое он не сможет выполнить. Но ещё больше она боялась однажды проснуться и узнать, что человек, которого она полюбила, ушёл из города, не попрощавшись.

— Я не хочу, чтобы ты погибал ради чужой славы, — произнесла она.

— А я не хочу, чтобы ты осталась здесь одна.

— Тогда не оставляй меня одну.

Андреа хотел ответить, но не смог.

В эту минуту он понял, что впервые за долгое время думает не о Генуе, не о торговле, не о кораблях и даже не о войне.

Он думал о женщине, чью руку держал в своей, и о том, как мало власти имеет человек над будущим тех, кого любит.

К концу лета крепость на европейском берегу уже возвышалась над проливом.

Её мощные стены и башни меняли привычный облик Босфора. Напротив неё стояла старая азиатская крепость, и теперь два укрепления словно замыкали пространство между собой.

Для султана это было важнейшим достижением.

Для Константинополя — предупреждением, которое уже нельзя было истолковать двояко.

Однажды вечером император вышел на террасу дворца. С моря дул прохладный ветер. Вдали, на европейском берегу, темнели очертания новой крепости.

К нему подошёл один из придворных.

— Государь, послы вернулись.

— И что они привезли?

— Султан утверждает, что строительство не направлено против Константинополя. Он говорит, что крепость необходима для охраны пролива.

Константин печально усмехнулся.

— Как удобно. Когда человек ставит оружие у твоей двери, он всегда может объяснить, что делает это ради порядка.

Он ещё некоторое время смотрел на Босфор.

Внизу город зажигал вечерние огни. В домах накрывали столы, матери звали детей, торговцы подсчитывали дневную выручку. Кто-то ссорился, кто-то мирился, кто-то впервые признавался в любви.

И всё это продолжалось под взглядом новой крепости.

Константин понимал: теперь время дипломатических надежд стремительно сокращается. Но пока стены города стояли, пока в гавани оставались корабли и пока его народ продолжал жить, он не имел права считать поражение неизбежным.

Он повернулся к дворцу.

— Завтра соберите совет. Нам нужно говорить о помощи Запада. И о том, что мы сможем сделать сами.

За его спиной Босфор медленно темнел. На обоих берегах горели огни. Между ними проходили корабли, ещё не зная, что скоро каждый их рейс может превратиться в испытание. А Константинополь впервые за долгое время почувствовал, что его окружают не просто воды двух морей, а чужая воля.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПОСЛЫ И ПРЕДАТЕЛИ

В Большом дворце Константинополя собрались люди, которым предстояло решить, на что ещё могла рассчитывать империя.

За высокими окнами медленно угасал день. В зале горели светильники, отражаясь в мраморных колоннах и золотых украшениях стен. На длинном столе лежали письма, донесения, карты и списки возможных союзников. Некоторые из документов прибыли из Венеции, другие — из Генуи, Рима и различных владений Балканского полуострова.

Император Константин XI слушал доклады, почти не задавая вопросов. Он знал, что его советники не принесут ему хороших новостей. Но пока существовала хотя бы одна возможность получить помощь, он обязан был её использовать.

— Венецианцы готовы обсуждать дальнейшие переговоры, — сообщил один из дипломатов. — Они заинтересованы в сохранении торговли через проливы и не хотят усиления османского влияния.

— Не хотят или боятся? — спросил император.

— Вероятно, и того и другого, государь.

— А что они готовы предложить?

— Пока только обещания рассмотреть вопрос.

Константин едва заметно улыбнулся.

— Прекрасно. Значит, мы получили ещё одно обещание рассмотреть вопрос о спасении города, который может перестать существовать раньше, чем закончится рассмотрение.

Несколько человек опустили глаза.

Другой посланник сообщил о положении в Генуе. Там также внимательно следили за действиями Мехмеда, но городские власти не спешили принимать решения, способные втянуть республику в войну. Генуэзские купцы имели собственные интересы на Востоке, а их колонии нуждались в сохранении торговых связей с османами.

— А Рим? — спросил Константин.

— Папа Николай V готов содействовать объединению церквей и обещает поддержку при условии дальнейшего сближения.

Император закрыл глаза на несколько мгновений.

Он знал, насколько болезненным был этот вопрос для жителей города. Разделение между православной и католической церквями оставило глубокие раны. Попытки заключить унию уже вызывали ожесточённые споры, и многие константинопольцы воспринимали западную помощь как слишком дорогую цену, если за неё придётся заплатить отказом от собственной церковной традиции.

— Значит, спасение города снова связывают с верой его жителей, — произнёс он. — Но разве можно требовать от человека, чтобы он изменил свою душу ради обещания чужого меча?

Один из советников осторожно возразил:

— Государь, если не будет города, не останется и тех, кто сможет защищать нашу веру.

— А если мы сохраним город ценой того, что люди перестанут считать его своим? Что именно мы тогда спасём?

В зале воцарилось молчание.

Константин подошёл к окну. Внизу, во дворце, проходили слуги, слышались голоса стражников. За стенами начинался вечерний город, и императору вдруг захотелось выйти на улицу, пройти по знакомым кварталам без свиты и охраны, увидеть лица людей, ради которых он продолжал эти бесконечные переговоры.

Но он не мог позволить себе такой роскоши.

— Мы примем помощь, если она будет предложена, — сказал он наконец. — Но не станем принуждать народ к тому, во что он не верит. Продолжайте переговоры. И не прекращайте поисков военной поддержки.

Он вернулся к столу и взял письмо, пришедшее из Генуи. На полях стояла короткая пометка, сделанная рукой секретаря: «Вопрос требует осторожности».

Император отложил документ.

Он уже слишком хорошо знал цену этой осторожности.

В генуэзском квартале Константинополя дипломатические решения воспринимались иначе.

Там жили люди, для которых город был одновременно домом, торговой площадкой и частью огромного мира, раскинувшегося от Средиземного моря до далёких восточных берегов. Многие из них родились уже здесь, говорили на нескольких языках, заключали браки с местными семьями и не представляли своей жизни без константинопольских улиц.

Но принадлежность к Генуе оставалась для них не пустым словом. За ней стояли торговые договоры, семейные связи, имущество и обязательства перед далёкой республикой.

Лоренцо ди Марини, старый генуэзский купец, сидел в своей конторе, когда к нему пришёл Андреа Гримальди.

— Ты слышал о строительстве крепости? — спросил Лоренцо, не предлагая гостю сесть.

— Весь город говорит об этом.

— Весь город говорит много. А ты что думаешь?

— Думаю, что султан готовит нечто большее, чем простое укрепление пролива.

Лоренцо внимательно посмотрел на молодого человека.

— И что ты намерен делать?

— Пока не знаю.

— Это честный ответ. Но недостаточный.

Андреа снял перчатки и положил их на стол.

— Я хочу знать, что собирается предпринять Генуя.

— Генуя собирается сохранить свои интересы.

— А город?

— Какой город?

— Этот город, Лоренцо. Константинополь.

Старик медленно откинулся на спинку кресла.

— Ты задаёшь вопрос так, словно уже забыл, что Генуя — республика, а не благотворительное общество.

— Я ничего не забыл. Но мы здесь живём. Наши дети здесь растут. Наши семьи здесь похоронены. Неужели всё это ничего не значит?

— Значит. Но государственная политика не строится на семейных воспоминаниях.

— Тогда, возможно, она строится на слишком короткой памяти.

Лоренцо нахмурился.

— Осторожнее, Андреа.

— Почему? Потому что я произнёс вслух то, о чём другие предпочитают молчать?

— Потому что ты не понимаешь, насколько опасно сегодня оказаться между двумя властями. Султан может потребовать от нас нейтралитета. Император — помощи. А Генуя будет решать, что выгоднее самой Генуе.

— И если город падёт?

— Тогда нам придётся жить с последствиями.

Андреа поднялся.

— Нет, Лоренцо. Тогда нам придётся жить с тем, что мы сделали или не сделали.

Он направился к двери, но старик остановил его.

— Ты ведь любишь эту женщину?

Андреа обернулся.

— Какую женщину?

— Не притворяйся. Я не настолько стар, чтобы не замечать очевидного. Ирина Дука. Она изменила тебя.

Молодой генуэзец не ответил.

— Послушай меня, — продолжал Лоренцо. — Любовь иногда заставляет человека совершать поступки, которых он сам от себя не ожидал. Но не путай желание защитить любимую женщину с возможностью защитить целый город.

— А если одно без другого уже невозможно?

Старик долго смотрел на него, затем произнёс:

— Тогда тебе придётся выбирать.

В это же время на другом конце города Михаил Дука слушал рассказ Андреа о положении в Генуе и о тревожных разговорах среди купцов.

— Значит, они не собираются вмешиваться? — спросил Михаил.

— Они не собираются принимать решение, пока не станет ясно, кто победит.

— Удобная позиция.

— Для тех, кто живёт далеко от опасности, — да.

Михаил подошёл к столу и раскрыл старую книгу. После последнего разговора с Андреа он несколько раз возвращался к записям, но теперь смотрел на них иначе.

— Ты обещал рассказать мне об отце.

Андреа помолчал.

— Твой отец был человеком, которому однажды пришлось выбирать между верностью своему прошлому и безопасностью семьи.

— Какой семье?

— Твоей.

Михаил почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Говори яснее.

— Твой отец не всегда носил имя, под которым ты его знал. В молодости он служил при одном из византийских чиновников, имел доступ к документам, связанным с дипломатическими переговорами, и знал людей, которые предпочитали оставаться неизвестными.

— И что произошло?

— Он узнал о соглашении, которое могло поставить под угрозу нескольких влиятельных людей. Одни хотели использовать его ради собственной выгоды, другие боялись, что оно станет известно императору.

— Какое соглашение?

Андреа посмотрел на раскрытую книгу.

— Я не знаю всех подробностей. Но мне известно, что твой отец отказался участвовать в этой игре. После этого его начали преследовать.

Михаил провёл рукой по лицу.

— Почему он никогда ничего мне не рассказывал?

— Возможно, потому, что хотел, чтобы у тебя была обычная жизнь.

— Обычная жизнь? — Михаил горько усмехнулся. — Ты называешь обычной жизнь человека, который всю дорогу не знает, почему его отец молчит, почему некоторые люди избегают его семьи и почему старые документы спрятаны в монастырском сундуке?

Андреа опустил голову.

— Я не могу оправдать его молчание. Но, возможно, однажды ты поймёшь, чего оно ему стоило.

Михаил закрыл книгу.

— А ты почему вмешался?

— Потому что однажды дал ему слово.

— Какое?

— Если прошлое настигнет его сына, я не позволю ему остаться одному.

Михаил посмотрел на Андреа уже без прежней настороженности.

— Значит, ты пришёл исполнить обещание.

— Да.

— Тогда расскажи всё, что знаешь. Даже если мне это не понравится.

Андреа кивнул. Он понимал, что открыл дверь, которую уже невозможно будет закрыть одним движением руки.

На следующий день Николай Вардас отправился к Леонтию, чтобы обсудить поставку тканей. Но разговор быстро перешёл на события вокруг пролива.

Леонтий закрыл дверь лавки и попросил хозяина присесть.

— Николай, у меня есть сведения, которые тебе лучше услышать от меня, а не от случайных людей на рынке.

— Что случилось?

— Некоторые купцы уже начали переводить часть имущества за пределы города. Другие отправляют семьи к родственникам в более спокойные места.

— Из-за крепости?

— Не только. Говорят, что султан требует от проходящих судов подчинения новым правилам. Несколько кораблей уже задерживали.

Николай тяжело вздохнул.

— Значит, торговля скоро станет невозможной.

— Возможно, не вся. Но условия изменятся.

— А люди?

Леонтий посмотрел на него.

— Люди пока делают вид, что ничего особенного не происходит.

Николай усмехнулся.

— Это мы умеем лучше всего. Когда над головой собирается гроза, мы начинаем спорить о том, стоит ли закрывать ставни.

Он помолчал, затем спросил:

— Ты собираешься уезжать?

Леонтий отвёл взгляд.

— Я пока не решил.

— А если придётся?

— Тогда я хотел бы уехать не один.

Николай понял, что тот говорит о семье.

— Я не осуждаю тебя, — сказал он. — Каждый отец обязан думать о своих близких.

— А ты?

Николай посмотрел в сторону окна, за которым виднелась улица.

— Я слишком долго прожил в этом городе, чтобы считать его просто местом, где находится моя лавка. Здесь похоронены мои родители. Здесь родилась Анна. Здесь я впервые увидел свою жену. Здесь каждый камень напоминает мне о чём-то, что нельзя взять с собой в дорогу.

Леонтий ничего не ответил.

— Но если придёт время, — продолжил Николай, — я должен буду подумать не только о себе. Любовь к городу не даёт мне права обрекать дочь на гибель.

Впервые за долгое время оба мужчины замолчали не от отсутствия слов, а потому, что слишком хорошо понимали друг друга.

Тем временем в императорском дворце готовили очередное посольство. Константин надеялся добиться хотя бы временного соглашения, которое позволило бы выиграть время для укрепления обороны и получения помощи извне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.